

НА ОБСУЖДЕНИЕ

Поводом для этого разговора стала реакция некоторых наших читателей на публикацию статьи «Гений и злодейство» (см. «МН» № 46 1987 г.), посвященной столетию со дня рождения академика Н. Вавилова. Полученные редакцией письма показали, как мне кажется, определенную смещенность понятий добра и зла. Скажем, иные оппоненты склонны были признать вину Лысенко в том и только том единственном случае, если бы «народный академик» написал на Вавилова донос. Ну, а коли Лысенко на протяжении многих лет травил великого ученого, фальсифицировал научные результаты? Нет, это, конечно, нехорошо, но объявлять подобное безнравственным, не слишком ли? Утверждение же, что Вавилов не мог бороться со своим противником его же методами, потому что методы эти аморальны, вызвало в некоторых письмах, мягко говоря, непонимание: что значит «не мог», если это надо было для дела?.. А еще через несколько недель — уже в связи со статьей на другую тему «Вакансия: хороший человек» («МН» № 51 1987 г.) почта принесла письмо, автор которого, крупный ученый, говорит примерно следующее: для общества гораздо важнее научные достижения специалиста, нежели его нравственные качества. В общем, знакомый посыл: если ради дела, то все позволено... Вот с этим я и пришла к Даниилу Гранину — писателю, который на протяжении многих лет последовательно разрабатывает — и отстаивает! — тему нравственного начала в науке.

— Даниил Александрович, в «Зубре» вы пишете: «Но есть вещи, которые остаются от ушедших ученых. Их нравственные поступки, их нравственные правила, законы их порядочности...» Неужели история нас ничему не учит?

— История? Учит. Вообще. А надо — каждого и конкретно. Понимаете, на протяжении многих лет у нас был снят вопрос о совести и личной ответственности. Личной! Помню, после XX съезда мне казалось, что люди будут каяться, будут выходить на площадь и, грубо говоря, рвать на себе рубаху: «Православные, вяжите меня, я — убийца». А ничего этого не произошло. Почему? Потому что каждый считал: я делал то, что мне приказывали, делал во благо народа, во имя светлого будущего! А то, что при этом совершались незаконные, ошибки, уничтожали людей, так то не моя вина. Все делали — и я делал. Все голосовали — и я голосовал. Все верили, что делают полезное дело, и я верил... Так было надо — до сих пор в этом убеждены многие. И трудно в этом винить их, пока не написана история нашего общества, где в полный голос говорилось бы обо всех противоречиях, допущенных ошибках и их причинах. Нужны учебники для всех нас с анализом смелым, научным, и это многому могло бы научить нашу совесть и гражданское чувство.

Мы спрашивали наших отцов: как это они допустили, чтобы к власти пришел Сталин, чтобы разгулялся террор 1937—1938 годов? Потом уже нас после войны спрашивали наши дети: как мы допустили, чтобы немцы дошли до берегов Волги, как допустили обнищание колхозов, новую волну репрессий вроде ленинградского дела? Теперь я слышу, как школьники спрашивают у своих молодых учителей: как же вы мирились с брежневщиной, с застоём, с коррупцией?

Отвечают: «Это была наша ошибка». «Наша» — никого ни к чему не обязывает, избавляет от личной ответственности.

Что же касается того письма, автор коего полагает, что для общества важнее научные достижения, нежели нравственные качества ученого, то это, конечно, опасная позиция. Я считаю, что наука сейчас находится у главных кнопок жизни. Причем не у той, условно говоря, красной кнопки, которая запускает ракеты, но у кнопок, именуемых скрытыми силами природы, которые могут принести людям неисчислимы беды. Поэтому вопрос о человеческих качествах ученого сегодня, с моей точки зрения, первостепенный. Но вот что интересно: когда я однажды написал, что мы, к сожалению, не знаем примеров, когда ученый отказывается от какой-то работы, считая ее безнравственной, то получил не-

сколько писем от наших ученых, которые, ссылаясь на собственные примеры или из жизни своих друзей, сообщали, что они отказывались от неких научных исследований, поскольку те несли угрозу нравственному началу. Об этом же писали читатели в журнале «Знание — сила» № 1 за этот год. Пока глухо, без фамилии, без конкретных примеров. Но, значит, такие случаи не уникальны, и это замечательно. Есть, значит, ученые, которые

не понятие «нельзя». Еще в школах — не знаю, как должен называться этот предмет, — надо, чтобы детям говорили: нельзя воровать, нельзя обижать слабого, нельзя врать, нельзя брать чужого. Почему нельзя? Нельзя, потому что нельзя. Вот с этих простых запретов начинаются правила общественные. А у нас, посмотрите, воровство, например, оказывается, есть двух сортов: воровство социалистической собственности наказывается одним сроком — большим, воров-

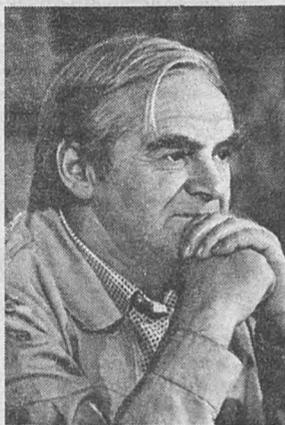
не заботиться о своей совести, о своей душе. «Найдутся другие», «а что изменится, если я откажусь» — все это знакомо, и все это не может служить оправданием, подобное нельзя себе разрешать. Перед собственной совестью нужно нести ответственность. Совесть — понятие не отвлеченное. Это суд моих детей, моих внуков надо мною. Согласны?.. Вот я встретил человека, который работал заместителем главного инженера на ленинградской дамбе. Он ушел с этой

нет в своих «святцах» стойких и мужественных. Но это — история. В жизни Лысенко и Презент до последних лет своей жизни спокойно работали в Горках Ленинских и умерли в своих постелях, а Вавилов — на тюремных нарах... Так что не слишком ли жесткие требования вы предъявляете к людям!

— Видите ли, нравственность — категория не только личностная. Нравственным или безнравственным может быть и общественное сознание. В каждой конкретной исторической ситуации общество вырабатывает свои, назовем их так, правила чести, свои нравственные требования и свои критерии к человеку. Были у нас годы, когда вместо правил чести существовали правила бесчестия, в которых нравственному человеку, да еще не скрывающему свои жизненные принципы, выжить было практически невозможно. Поэтому и погиб Вавилов, а другие лишь чудом остались живы... Вы понимаете: «можно» и «нельзя» должны жить не только в каждом конкретном человеке, но и в обществе в целом... Вот читаю в газете: руководитель такой-то не сдержал слово, данное им публично. Раз не сдержал, два, десять! И десять раз его публично в этом уличали, ему публично говорили: лгун! Казалось бы, должен подать в отставку. Но вы слышали, чтобы кто-нибудь из них подавал в отставку? Сам, а не в порядке почетного увольнения? Я не слышал. Может быть, потому, что общество этого и не требует! А в XIX веке человек, не сдержавший слова, уличенный в бесчестии, уходил в отставку, а то и стрелялся. Что, люди в XIX веке были более совестливые? Не знаю. Но знаю, что общество грозило им позором, общество предавало их презрению. Вот в чем дело! Нравственность личности, может, и труднее сохранить, если она не защищена и не подкреплена нравственностью общественного сознания, но тем более надо. Иначе нам не выбраться... И сейчас, как мне кажется, отчасти благодаря прессе у нас в стране идет работа по расчистке общественного сознания, работа над тем, чтобы как-то поднять нравственные критерии.

И в заключение, одно замечание: когда вы говорили о последних днях Лысенко и Презента, мне почудился в ваших словах некий упрек истории: дескать, как она несправедлива! Так вот не относитесь к истории, как к господину богу, и не ждите от нее немедленного возмездия и наказания. Я, например, благодарен ей уже хотя бы за то, что сегодня мы имеем возможность об этом говорить и оценивать.

— Спасибо. И за разговор спасибо.

Диалог с писателем Даниилом ГРАНИНЫМ ведет обозреватель «МН» Евгения Альбац

НЕЛЬЗЯ, ПОТОМУ ЧТО НЕЛЬЗЯ

задумываются над смыслом своей работы.

— Вы сказали: «угроза нравственному началу»... Мне думается, сегодня эти слова требуют расшифровки. Что остановило этих ученых? Что не позволило Вавилову принять лысенковские правила борьбы: доносы, политические обвинения, клевету! Мой старый учитель на этот вопрос ответил: «Гены добра и гены зла». Может быть, действительно гены! Или внутренняя интеллигентность? Или вот в «Зубре» вы обращаете внимание на пушкинские строчки: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»? То есть ты в ответе перед могилами: рядом с предками стыдно поступать дурно. Понятие, конечно, иррациональное, но, с моей точки зрения, очень точное: перед живущими можно еще оправдаться последующими делами, перед покойниками — нет...

— Вы знаете, я много думал над этим. Действительно, что держит человека, что не позволяет ему расчеловечиваться? Вот Достоевский говорил: если бога нет, то все дозволено. И это был очень сильный тезис. С моей точки зрения, нравственность, конечно, претерпела урон, когда отказ от религии стал массовым. Однако что важно: работая с Адамовичем над «Блокадной книгой», мы убедились, что даже в тех, запредельных условиях изможденного, голодного города для многих людей, не имеющих ничего общего с религией, нравственное начало оставалось главным. Нельзя было, понимаете ли, отнять хлеб у умирающего, нельзя было преступить через обязанности долга, любви — то есть нравственные запреты существовали. Существовали и без бога. И чем больше я погружался в материал, тем более в этом убеждался. Так что для меня сейчас это непреложно: человек как нравственное существо может существовать и без бога. И снова вы меня спросите: а что же тогда его держит? Не знаю. Нечто, именуемое нравственным законом, который внутри нас. Или — совестью. Как объяснить эти понятия? А можно ли их объяснить? Для человека, у которого совесть есть и который не может ею поступиться, это и так понятно.

— Тут, вероятно, и другой вопрос: как воспитать совесть? Я не думаю, чтобы человек с этим рождался. Между тем Христовы заповеди, которые мы в атеистическом угаре сокрушили вместе с религией, в простой и доступной форме внушались с детства как нечто абсолютное. Во всяком случае вера, страх перед богом помогали слабым духом не преступить — уже немало. Хотя, конечно, и с именем бога на устах совершали, и во множестве, мерзкое...

— Дело не в том, чьи это заповеди. Дело в том, что у человека с детства должно быть выработано

личного имущества — другим, меньшим. Что это за разделение? Что, одно воровство лучше (или хуже) другого воровства. Но это же совершенно невозможно! Чужое оно в любом виде чужое, и его брать нельзя... Какие тут могут быть категории?..

— Безнравственность первого сорта и сорта второго...

— Именно. Но это и приводит к возможности самооправдания. Человеку надо уметь самому контролировать себя во всем и нести ответственность за все... Вот мы с вами говорили о науке. Вы знаете, у меня никак не укладывается в голове: тысячи людей занимались проблемой переброски рек. Никто из них ничего не понимал? Вряд ли! Но ведь никто не отказался! То же с проектами по Ладоге, по Байкалу. Почему? Считали себя винтиками большой машины? Или каждый выполнял свой участок работы и за ним не видел общего порока? Не верю. И потом — надо видеть.

— Предположим, я откажусь, найдутся другие...

— Нет, это не объяснение. Как же

работы. Потому что считал ее вредной для города, безнравственной. Ушел и на меньшую должность, и на меньший оклад.

— И что, именно нравственные причины тому были поводом?

— Вот вы удивляетесь. Не верите. Непривычно? А именно нравственные.

— И все же таких людей единицы. В том числе и потому, что люди в своем большинстве (я не имею в виду экстремальные ситуации) вовсе не герои. И не должны быть ими. Они обычные, нормальные люди, зависимые, и весьма, от вполне реальных житейских обстоятельств. Вспомните, после сессии ВАСХНИЛ 1948 года многие генетики были вынуждены публично каяться в не совершенных ими ошибках, в противном случае они лишались не только работы, но и могли быть подвергнуты самым суровым испытаниям. Однако были и те, кто, несмотря ни на что, не поступился своими убеждениями и заплатил за то высокую цену. Но можем ли мы осуждать тех, кто покаялся! Конечно, история помя-